

Довлатов Сергей

118).02.03
(оревр.)

Право Писания

Ян Шенкман

Советская эпоха была эпохой строгой секретности. Закрытой считалась даже та информация, которую в принципе можно было и не скрывать. Но известно, что тотальные запреты лишь подогревают любопытство. Этим в большой степени можно объяснить бум документальной и мемуарной литературы, обрушившейся на нас на волне перестройки. Нам и по сей день кажется, что от нас постоянно что-то скрывают, что тайное надо немедленно сделать явным. Но ведь самое тайное, что есть у человека, его частная жизнь. И ещё: если в мире не станет тайн, захотим ли мы жить в этом мире?

БОЛЬШИЕ ПИСАТЕЛИ ОКАЗЫВАЮТся зачастую жертвами своей популярности. Достоянием публики становится в конце концов всё вышедшее из-под их пера – вплоть до записок типа "Не жди, останусь у Гали".

Такая судьба постигла и Сергея Довлатова, который после перестройки стал одним из самых популярных российских прозаиков. "Эпистолярный роман" Довлатова и Игоря Ефимова в 2001-м выпустило издательство "Захаров", а через год разразился скандал. Елена Довлатова, вдова Сергея Донатовича, обвинила Захарова в нарушении авторских прав, подала иск и выиграла судебный процесс.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ПИСАТЕЛЯ способна вызвать интерес даже у тех, кто не читает повестей и романов. Подробности быта, описание собственных неудач, неподдельная растерянность свидетельствуют о том, что писатели тоже люди. Причем люди, не так уж сильно отличающиеся от нас, а это всегда приятно. Если же всё вышеперечисленное изложено лёгким и уверенным пером – такую книгу хочется выучить наизусть. Её коммерческий потенциал приведёт в восторг

Для понимания творчества писателя необязательно ворошить его частную жизнь

С. Довлатов с сыном Колей.
1982 г. Нью-Джерси.

любого грамотного издателя.

Игорь Захаров – издатель незаурядный. У него потрясающий нюх на сенсации. Я думаю, это связано с репортёрским прошлым Захарова. Главный сыр-бор, как часто бывает с захаровскими книжками, разгорелся из-за авторских прав. Согласно завещанию запрещается публиковать тексты Довлатова, если они не были отредактированы автором и подготовлены им к печати. Дело и в том, как уверяет вдова, что "резкие довлатовские высказывания могут обидеть живых людей". Это действительно так. Несколько таллиннских литераторов и журналистов смертельно обижены довлатовским сборником "Компромисс". Было бы странно, однако, считать резкость поводом к непубликации "Компромисса", вещи, по мнению критиков, немалого уступающей "Ревизору". Письма – дело другое.

Любопытно, что сочинение и издание эпистолярного романа входило в планы Довлатова: "Я давно задумал договориться с кем-то, обозначить два характера, выдумать тему переписки, например – пропажа коломянковых брюк на дне рождения эмигранта Мешкевича, и начать долгую переписку с широким обзором событий и лиц". Это из письма Науму Сагаловскому, а не Ефимову. И если б Довлатов осуществил свой замысел, ни один суд не придрался бы к публикации этого текста, да и у читателя не возникло бы ощущения, что он делает обыск в квартире писателя. Писатель имеет право скрыть то, что ему хочется скрыть. Этично ли это право у него отнимать? Видимо, всё-таки нет.

Есть такой литературоведческий термин – "образ автора". Его проходят в школе, изучая "Евгения Онегина".

Алорабит. - 2003. - февраль (118) - 020-21.

Этот образ Довлатов выстраивал на протяжении всей своей жизни. Писательство для него было делом глубоко личным, сверхлитературным. Читатель, считал Довлатов, должен видеть автора таким, каким автор хочет предстать перед ним. Правда жизни тут неуместна и даже вредна. Непосредственный выплеск эмоций несовместим с художественностью. Для того и необходимо искусство, чтоб жизнь не погрузилась в хаос и неразбериху...

ЭТА КОНЦЕПЦИЯ ИДЁТ ВРАЗРЕЗ НЕ только с воззрениями Ефимова, но и со всей традицией русской литературы. Русская литература предлагает в качестве защиты от хаоса некое идеальное содержание. Идеи, принципы, философию. Довлатов же предпочитает стиль. Стиль как защиту от хаоса.

Ефимов советовал своему другу не упорядочивать жизнь с помощью литературы, а непосредственно жить на страницах прозы: "Хватит писать про других – напишите, наконец, про себя. Я никогда не узнаю о страданиях человека, которому досталось с одинаковой страстью тянуться и к "быть" и к "казаться", если об этом не напишет писатель Довлатов".

Ответ звучит так, будто Довлатов извиняется за то, как он жил и писал: "Мне не дано быть таким, как я хочу, и вообще, соответствовать тем представлениям о человеке достойном, которые у меня выработались под влиянием литературы Чехова и Зощенко. Я никогда не буду таким, как люди, нравящиеся мне, а притвориться таким человеком нельзя, я это знаю".

Грустная правда заключается в том, что поле битвы осталось за Ефимовым. И не только потому, что он жив, а Довлатов, увы, нет, сколько из-за интереса публики к разного рода реал-шоу. Представьте себе "За стеклом" со знаменитым прозаиком в главной роли. Рейтинг этому шоу гарантирован запредельный. Нетрудно просчитать и реакцию телезрителей: оказывается, гении тоже пьют, едят, ходят в туалет и говорят глупости. Вот потеха! Дэн, Марго и другие – отдыхают...

Всё так, с той лишь разницей, что герои скандальных передач не пишут великих книжек и сказать им в сущности нечего ни за кадром, ни в кадре. Им нечего скрывать, и никто при всём желании не нарушит их авторских прав. Поэтому Захаров и печатает переписку не Васи Пупкина, а прозаика, чьи тексты расходятся огромными тиражами. Издатель сам признаётся, что "сознательно нарушил закон", в том числе этический. Он прекрасно понимает, что занимается шоу-бизнесом, в каком-то смысле антилитературой. Но поймёт ли это читатель? ■